
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Анатолий Пережогин
(г. Королев, Московская область)

НА НЕГО НАСТАВЛЕН СУМРАК НОЧИ
(венок сонетов памяти В.С. Высоцкого)

1

*На него наставлен сумрак ночи,
Снизу лед и сверху... Холодит!
Сам себе конец пути пророчит —
Встречу с Богом. Пристально глядит*

*На поэму жизни — сорок с лишним:
Океан друзей и яд врагов...
Оправдание перед Всевышним —
Рвущаяся боль из берегов!*

*Боль за глупость, хамство этой жизни,
Боль за череду унылых дней:
Вместо праздника — все чаще тризны.
Есть ли что-то в мире нам родней?*

*Если крест взвалил, то и неси
Тысячью биноклей на оси!*

2

*Тысячью биноклей на оси
Зал сверлит поющего Поэта.
Сколько нужно зрителям мессий,
Чтобы боль ушла навеки эта?*

«Жить нельзя без боли!» — то вранье,
Что несет с помоек воронье.
Видно, кто-то подленько решил
Болью нас лишить последних сил.

Чтобы легче было управлять —
На умы через тела влиять.
Чтоб развеять правду, словно пух,
Что не тело мы, не ум, а дух...

Неужели жить никто не хочет?
Он хрипел в пространство что есть мочи.

3

Он хрипел в пространство что есть мочи:
«Я люблю — и, значит, я живу!»,
Выдыхая тему — среди прочих —
Жизни всей, стихов своих канву.

Был спортсменом, психом, самолетом,
Альпинистом, волком и бойцом...
Был Поэтом, а не стихоплетом:
Времени-Судьбе смотрел в лицо.

Хоть актер и женская профессия,
Мужества ему не занимать.
Поэтическая есть конфессия —
Исповедам Мастера внимать.

Если трудно будет, не проси:
«Чашу эту мимо пронеси!»

4

Чашу эту мимо пронеси!
О, Земля, держись своей оси!
Долго будем мы тебя месить?
Долго будешь — на себе носить?

Сколько будут взрывы тебя бить,
Чтобы научились мы любить?
«Разберемся!» — присказка была,
Жилы напряглись, как у вола:

Чтобы правда продолжала жить,
Продолжал страну он к ней тащить.
А в ответ и нужно-то всего:
Честно жить нам всем до одного —

Вот рецепт Поэта-авиценны.
Он смотрел на публику со сцены...

5

Он смотрел на публику со сцены —
Той, что называется страной.
Не дождалась подлецы измены,
Не покинул Родины больной!

Биться одному стократ труднее
За достоинство своей страны,
Для Поэта темы нет роднее —
Сердце, нервы, ум оголены!

Сколько б смог сыграть других ролей,
Сколько песен спеть, да веселей...
Если б мы смогли, как он точь-в-точь,
Правдой жить и тем ему помочь!

Каждый должен правду выбирать
Прежде, чем начнет спектакль играть.

6

Прежде, чем начнет спектакль играть,
Он смотрел на зал из-за кулис.
Кто билеты мог тогда достать?
Слышали? «Присаживайтесь, please!»

Кроме толстосумов и б...й
Были те, кто ночь у касс не спал:
Именно глаза таких людей
Находил Поэт и... оживал.

Значит, можно жилы рвать игрой —
Выдавать себя во весь накал!
Так Артист, чтобы создать настрой,
Взгляд, осмысленный душой, искал:

Истинного Человека гены
Распознать пытаюсь среди пены.

7

Распознать пытаюсь среди пены
Тех, кто, как и он, сейчас горит,
Видим: топчут сцены и арены
Те, кто со страной не говорит

Без занудных, частых «мы должны...» —
Без попыток «мудро» поучать;
Выражая чаянья страны,
Помогая каждому начать

Жить без страха безвозвратно сгинуть;
Неизменно, искренно любя
Ближнего, корысть и злость отринуть —
Жить по правде, осознав себя.

Помогая как белье стирать
Душу, разум, чтоб не умирать.

8

Душу, разум, чтоб не умирать,
Может кто-то черту заложить
И с дензнаками легко играть —
В роскоши среди разрухи жить.

Ну, а кто-то умереть решит,
Опустившись на людское дно.
С теми, у кого кафтан расшит,
Безразличье у бомжей — одно.

Есть, однако, выбор у любого —
Тот, что всем Творец от века дал:
Не впускать в себя дурного, злого,
Чтобы каждый Человеком стал!

Коль сейчас люблю, то на посту я:
В каждой роли не зазря-впустую.

9

В каждой роли не зазря-впустую
Выходил на сцену как на бой,
Поместив в себя страну большую,
Бился с ложью, жертвуя собой.

На Руси, издревле подневольной,
Головы где долго не сносить,
Правду петь от всей души раздольной —
Значит власть, приспешников бесить.

У властей со страху повелось
На Поэтов совершать гоненья.
От гонений большинство спаслось
В смерти ранней, зачеркнув сомненья:

В песни и в стихи себя вместить
И свою смертью воплотить.

10

Да, свою смертью воплотить
Не погост в венках, а жизнь в веках!
Правды гвоздь в гроб с ложью вколотить,
Стать известным в дальних уголках.

В песнях жить, в стихах, в ролях, в молве —
Разве можно жизнь в музей вместить?
И напомнит памятник в Москве:
Истину ничем не запретить!

Жизни крест с достоинством носить —
Не смотреть на то, как смерть страшит.
Так Поэт нередко на Руси
Ранней смертью людям возвещает:

«Если не любил, то жил впустую!» —
Истину великую, простую.

11

Истину великую, простую
Трудно распознать, коль нет креста,
На котором увидав мечту, я
Различил вдруг контуры моста

Из объятий ада к светлой жизни,
Где не будет боли и войны;
Где исчезнут тени укоризны —
Перестанут злиться от вины;

Перестанет зависть процветать
И таланты исподволь душить;
Будут люди действительно мечтать —
Воплощать мечты свои спешить.

Хватит, друг, над смертью век тужить —
Чистым сердцем можно в сердце жить!

12

Чистым сердцем можно в сердце жить —
В нем по-настоящему все дома —
Если совести всю жизнь служить,
Осенив себя крестом до грома.

Злая нечисть все еще кишит,
Кажется, вот-вот и одолеет —
Но на помощь богатырь спешит,
И свобода вновь для всех алеет.

Так Поэт как славный богатырь —
Полчище невежества черно —
Побеждает злобу. Духа ширь
Просится на волю так давно!

Заглушает вой, кикимор ор
У Поэта сердце — не мотор...

13

Если это сердце — не мотор
И сбоят от всяких глупых ссор;
Если чувствует любую боль
И раба не принимает роль;

Коль оно страдает за Россию,
Вместе с ней срываясь в аритмию;
Если буден серых маяту
Побеждает, возродив мечту,

И легко по жилам гонит кровь
До тех пор пока в душе — любовь;
Если добивается ответа,
Это сердце бьется у Поэта.

Правит им не умственный затор,
А душа, зовущая в простор!

14

Да, душа, зовущая в простор,
Жаждет слышать стройный жизни хор,
А не звук железа по стеклу —
Не тиранам подлую хвалу;

Жаждет видеть всюду красоту,
Воплощенной — светлую мечту,
Средь людей в почете — мастерство,
А не идиотов торжество.

Так Поэт живет на грани тьмы,
Вызволяя из нее умы.
Он распят меж Небом и землей —
Между Богом и последней тлей!

Можно ли сказать о том короче:
«На него наставлен сумрак ночи»?

15

*На него наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси!
Он хрипел в пространство что есть мочи:
«Чашу эту мимо пронеси!»*

*Он смотрел на публику со сцены
Прежде, чем начнет спектакль играть,
Распознать пытаюсь среди пены
Душу, разум, чтобы умирать*

*В каждой роли не зазря-впустую,
А своею смертью воплотить
Истину великую, простую:
Чистым сердцем можно в сердце жить,*

*Если это сердце не мотор,
А душа, зовущая в простор!*

Сергей Лебедев
(г. Тольятти)

PERSONALIA

Лебедев Сергей Александрович. Живет в городе Тольятти. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н.С.Лескова за 2012 год. Член РСПЛ.

**ОТКРОВЕНИЕ ПОЭТА
ИСПОВЕДЬ**

диптих

*Оглянусь — окаменею.
Жизнь осталась позади.*

Мария Петровых.

1

В хаосе безмолвия ночного
Мысли приходящие трезвы.
Суетность, размеренно и снова,
Кроишь, все распарывая швы.
Лишнее опустишь, ну, а в основном,
Вдруг происходящее поняв,
Для себя решишь, и станет явно:
«Ты в своих поступках был неправ!»
Мучаешь себя в бессонной ночи,
Совесьть на Голгофу, волоча.
А она рыдает и пророчит,
Нет тогда страшнее палача.
Брезжит утро серой поволокой,
День принес размеренность опять,
Но в делах, сквозь суету толоки,
Будешь вновь ошибки повторять.
Чтоб в ночи, открыв глаза внезапно,
Мысли беспорядочно, гоня,
Обещать все ж мудрым быть назавтра.
Только эфемерна та броня.
Но свои грехи перебирая,
Медленно приходишь к одному:
Покаяние, как крест над нами,
И молюсь, и каюсь, лишь Ему!

2

Свет догорал, но розовело небо,
Усталый вечер двери закрывал.
Я не просил Всевышнего о хлебе,
Молитвой грех, рыдая, искупал.
Дай мне, Господь, покоя и бесстрастья,
Признаюсь, что захватывает гнев,
Ведь от него в семье одни несчастья,
Страдаю после времени, прозрев.
Жизнь отравляет мне порой гордыня,
Совсем других я слушать не хочу,
Но каждый раз, и давеча, и ныне,
Потом, в сердцах, молитву я шепчу.
Приму твое решение, Всевышний,
Покаюсь в том, что в жизни был и блуд.
Огнем и дымом сердце мое дышит,
Жалею, поздно, но свершится суд.
Средь суеты мирской в одном спасенье,
Клянусь, что жил без зависти всегда.
Душа не знала этого паденья,
Близка чужая мне была беда.
Живу я чреву своему в угоду,
Прости мне, Боже, слабости и грех,
Дай силы укротить мою природу,
Закреть нутро от сладостных утех.
Пав ниц, порой, в уныние впадаю,
Не вижу цели на своем пути.
Я твердость духа в суете теряю,
О, Боже, помоги его найти.
Тем, кто просил, творил благодеянья,
И думаю, для всех я не был скуп.
Порой быть может, что-то и терял я,
Но, только потерявши — не был глуп.
Свет догорал, окрасив небо красным,
Но все же ночь пыталась сажу лить.
Свои грехи я вспомнил не напрасно,
Лишь покаяньем — душу исцелить.

СОМНЕНИЕ ПОЭТА

триптих

1

Кто я есть? В чем мое назначенье?
Жизнь прожил, но пойму ли теперь?
И к тщеславию смирю ли влеченье?
После стольких тяжелых потерь?
Уходили друзья в поднебесье,
Столько их, что уже и не счесть.

А в слова с легким запахом лести,
Верил, словно в архангела весть.
И одно лишь в сомненьях достойно,
Открываешь глаза на себя,
Сознаешь, как бы ни было больно,
Что ты слеп, и живешь, не живя.
Изгоняя гордыню, тщеславье,
Со смиреньем молюсь я, до слез,
И пока ими дух не отравлен,
Сыне Божий, помилуй, Христос.

2

В своих творениях стиха,
Когда в перо впрягаю мысли,
А ночь таинственно тиха,
За словом улетаю ввысь я.
Иначе не было б стиха,
Душа молчала и не пела,
И не стыдилась бы греха,
Пустого услажденья тела.

3

Я знаю, трудно быть Поэтом,
Душа познала адский труд.
Но счастье редкое при этом,
Когда стихи идут, идут...
Смеюсь я в них или заплакал,
Из сердца выплесну до дна
То, что под спудом долго прятал,
То, в чем душа моя видна.
За что достался ты поэту,
Неблагодарный, адский труд?
Но все отдам за радость эту,
Когда стихи идут, идут...

ПОЭЗИЯ

Поэзия — не обух топора,
Не на прикладе снайперская мета.
Не прячь лицо, когда свистят ветра,
И глаз не отводи от вспышки света.
Поэзия о сущем слезы льет,
Жизнь вечно славит горькою строкою.
Но все-таки она — душевный мед,
И беспредельно властвует тобою.

У ЗЕРКАЛА

И что ты улыбаешься? Не стыдно?
Жизнь промотал беспечно, впопыхах.
Судил других язвительно, ехидно,
Давал оценки в мыслях и делах.
Теперь послушай сам, чего ты стоишь:
Безумен, празден, на язык остер,
Великих мысли из пространства доишь,
Как руки греешь о чужой костер.
А не пора ль серьезно измениться?
И жизнь начать привычкам вопреки?
И вспомнить всех ушедших слезы, лица,
И попросить прощенья за грехи?
И перестань же сам с собой лукавить,
Кого улыбкой хочешь обмануть?
Тебе ведь этим вовсе не прибавить
Земного пребывания трудный путь.
Но только не выдумывай при этом,
Умы великих в помощь не зови.
Что, жизнь устроить трудно по Заветам?
А легче человеку без любви?

А ЧТО ТАКОЕ — РУССКАЯ ДУША?

А что такое — русская душа?
Какое-то особенное диво?
Которое, устои все круша,
Лишь усмехается над жизнью криво?

Над простотой и глупостью своей,
Над бесшабашной лихостью широкой?
Над стоном обездоленных полей
Или других каких еще пороков?

И сердце разрывается в тоске,
Ведь я по своим предкам — тоже русский,
Но их следы размыты на песке,
И шаг в лесах уже не слышен хрусткий.

Дар поколений — русская душа?
От вятичей, древлян ее начало?
Ведь Русь с трудом историю верша,
Выходит, о душе не забывала.

Простор полей и сумрачность лесов,
Степенное течение речное,
И не закрытый на двери засов,
И теплое дыхание печное —

Быть может в этом русская душа —
Открытая, спокойная, с участием.
Ты лишь не трожь ее, а то круша —
Она бывает яростной, с ненастьем!

ДУША

Не жалею я душу нисколько,
Заставляю болеть и страдать,
Что чужая беда — это горько,
Воспитала так душу мне мать.
Не словами — нотацией долгой,
Не запретом, не вольностью дней,
Не упреком, как острой иголкой,
Воспитала любовью своей.

ПОЭТ

Друг по несчастью, ты — поэт,
Душой мятущеюся бьешься,
Бывает, что порой сорвешься,
Как мотылек, летишь на свет.
И свое счастье иль беду,
Как истину в себе лелеешь,
Себя несчастного жалеешь,
И забываешься в бреду.
Не забывай, что есть душа,
Которой многим ты обязан,
Навек ты с нею будешь связан,
Лети, и думай не спеша.
А впрочем, что тебе совет?
В талантах не ходил я смело,
Посредственность — звезда удела,
А с нею — вряд ли я поэт...

ДОРОЖНОЕ

В ночи придорожные лампы горят,
Гудок над лесами истошен,
Колеса со мной о любви говорят,
И я, словно правдой, подкошен.
В словах на ударные слоги они
Всем пылом своим напирают,
И будто, летящие в темень огни,
Года собираются в стаю.
И вижу я женщин любивших глаза,
Пристанище дней непутевых,
Тогда с придыханьем не все я сказал,
И слов не выдумывал новых.
Но взглядом твоих всепрощающих глаз,

Я словно бы правдой подкошен,
Меня приняла ты без пафоса фраз,
В спасенье мне бросила грошик.
Быть может, стихи прочитав, укорят,
Что слог мой не нов и поношен...
В ночи придорожные лампы горят,
И крик над лесами истошен...

Я СЛЫШУ

Не поверишь словам моим, дело твое,
Только врать никакого резона.
Знаю я, что порою кричит воронье,
И слова колокольного звона.
Слышу шепот листвы у тенистых аллей,
И журчанье ключа под березой,
Как колосья широких, дебельх полей,
Озабочены ветра угрозой.
Слышу жалобный голос в осоке птенца,
Свист клинка пролетающих уток,
Первый крик возвращения в холод скворца,
Тишину окончания суток.
Не поверишь словам моим, дело твое,
Сам прислушайся к звукам рассвета,
И услышав, как росы падут на жнивье,
Ты поймешь голос жаркого лета.

Игорь Мельников
(г. Тула)

ХОЛОДНЫМ УТРОМ

Холодным и бесснежным утром,
Друг мой,
Легко ли оставаться мудрым?
Покой,
По крайней мере, где-то снится,
А тут
Сомнамбулы-самоубийцы
Бредут.
Шаги на мелкие шажочки
Дробят.
Как ценности в шкатулки срочно
Себя
Все эти люди в зданья спрячут,
А там —
У каждого свои задачи,
Дела.
И в этом есть необходимость,
Расчет.
И пар белесый, схожий с дымом,
Плывет.

* * *

Заводы не встанут, и небо не рухнет на землю,
И хлеб уберут, и народ будет беден да сыт —
Пока в колыбели младенец тихонечко дремлет,
Пока огонек в бирюзовой лампадке горит.

Но если ты знаешь, как все это можно разрушить,
Как новой войной запугать безоружных людей,
Устроить пожар, тот, который никто не потушит,
То лучше молчи, о душе беспокоясь своей!

ОТБЛЕСК

Скучаешь...
Но завтра —
Сегодняшний день
Тебе станет казаться прекрасным.
А завтрашний вечер —
Счастливейшим
Будешь считать через месяц,
А может и раньше...
Заря
Разгорается в окнах соседнего дома.
Подумаешь, будто — теплынь.
На улицу выйдешь —
Мороз тебя схватит за плечи.
Пальтишко твое —
Лишь издевка над силой зимы.
Живи настоящим!
Когда оно станет седым артефактом,
То вздорная память
Его извлечет из архива
И — красок добавит.
Обманет, как отблеск
Холодного алого неба на стеклах.
А значит,
(Пусть это неправда!)
Сегодняшний день
Тебе завтра покажется милой,
Старинной открыткой.
Так в этом и прелесть!
В значительной мере
Мы — этим живем.

ПОУМНЕЛ

А где-то бомбят города,
Стреляют, детей убивают.
Ты молвил: «Такое бывает...
А нам-то, какая беда?»

У этих иссиякла еда,
Другие свыкаются с адом».
Тут в дверь постучали прикладом
И стал ты умнее тогда.

ИЗ НЕДОПИСАННОЙ ПОЭМЫ «СЕРЫЕ ДНИ»

Слоем снега покрылись Глушанки.
Серебрянкой витрины горят.
Рубят елки и щепки летят.

Спирт
разливают
в склянки.

Все бело, только кажется серой
Неприятная плоскость двора.
И вчера, и сегодня с утра...
Нервным я стал,
наверно.

Есть ли кто-то, кто также растерян?
Ты выходишь, набросив пальто.
Говоришь: «В мире что-то не то...»
Значит и
в самом деле!

Здесь как будто забыты печали.
Мы с тобой замечаем одни —
Эти странные серые дни
С праздниками
совпали...

* * *

Если борются в тебе разные стихии,
Не пытайся разговор с ними завести.
Если выбирать пути, выбирай такие,
На которых можно хлеб и друзей найти.

Говорят, твои стихи малопозитивны
И полно глагольных рифм в старом вещмешке.
Ну и ладно! Ты — поэт, пойманный с поличным,
И не надо уступать гневу и тоске.

Пусть немало стариков тренькает на лирах
Да молодые, им под стать, струны теребят...
Председателем народ ставит Велимира
И, быть может, пастушком выберут тебя!

Игорь Боронин

(г. Тула)

БАСНИ

Игорь Иванович Боронин наш давний постоянный автор скоропостижно скончался в расцвете лет и творческих сил. Родился он 26 мая 1959 г. в Охе на севере Сахалина. В 5 лет переехал в Богородицк Тульской области. Окончил Машифак ТПИ. До 2002 г. служил в армии. Уволился в звании майора. Стихи и песни стал писать еще в армии. В Туле для поэта и барда распахнули свои двери клуб авторской песни «Бригантина», клуб «Пегас», Православные клубы писателей «Ковчег» и «Родник», Конгресс интеллигенции Тульской области.

Ниже приводим некоторые из его поэтических произведений

ЗАМЫСЛОВАТАЯ БАСНЯ

Порой непросто аналогию найти
Между животными и человеком,
Честней у них там, что ни говори,
Хоть люди и кичатся интеллектом:

Вручили должность одному Ослу,
Не кой-кого — военного министра,
Да просто кое-кто шепнул отцу:
«Осел умен, соображает быстро!»

(Замысловато басню начинаю:
Мол — «кое-кто, кому-то, кое-где...»),
А потому что сам еще не знаю,
Что может выйти в этой кутерьме.)

И вот Осел — звериная элита!
Всех, для начала, профи разогнал,
Зачем спецы у Личного корыта?
Взамен Ослиц и Телочек набрал.

И завертелось! Мама дорогая!
Все развалить, продать, разворовать,
И хоть лесная армия большая
Небезгранична, меру надо б знать.

Лесной народ вначале возмущался,
А после надоело, присмирел.
Осел по-барски, в роскоши купался
Самодовольно, вовсе обнаглел.

Завел любовниц, стояла им построил,
Достойные арабских рысаков,
Запас еды лет на сто заготовил,
Коллекцию из золотых подков.

Сидел бы дальше в министерском кресле
И по ночам своих любовниц пас,
Но, видно, надоело это тестю,
И кто-то сверху резко крикнул: «Фас!»

Комиссии, публичные облавы,
Арест любовницы, повестки в суд,
Померкло, потускнело время славы,
Лесные журналисты тут как тут.

Не посадили!!! Снова назначенье:
Осел — советник! Только вот чего?
Терпенье это или всепрощенье?
А может... в доле??? Только лишь всего?

С Ослом все ясно — «бьяка» еще та!
Бестактностью прославился своей.
Весь интеллект на кончике... хвоста!
Но почему прощал все Царь зверей?

ТАБУН

В свободном, диком табуне,
В степи, за Волгою рекой,
Седой Вожак был во главе —
Познавший жизнь, могучий конь.

(К чему нам хаос, господа?
Народ без власти — никуда!)

Но молодому Жеребцу
Уклад хотелось поменять,
Пришел с апломбом он к отцу
И Вожака стал убеждать:
«Табун духовно обнищал,
Во тьме лежит его дорога,
Поесть, поспать — вот идеал...
А где душа? Где вера в Бога?

(«Души прекрасные порывы»
Терзают ум, пока мы живы!)

Я слышал — где-то на Востоке,
Конь Будда праведно живет,
Всем лошадям дает уроки
И мантры мудрые поет!

(Какая мощь от тех идей,
Аж добралась до лошадей!)

Позволь, отец, туда пойти,
Забрать сподвижников с собой,
Тех, кто захочет вверх расти,
Повелевать своей судьбой!»

(На то и молодость, друзья,
Нам без мечты прожить нельзя!)

«Ну что ж, сынок, — Вожак сказал, —
Ступай, ищи свою дорогу,
Найди великий идеал
И подари его народу!»

(Отец, он был и есть — отец!
Хоть человек, хоть жеребец!)

И вот пошли, куда не зная,
Сто лошадей и Жеребец,
Путей-дорог не выбирая,
Все на Восток... и наконец...

(Туда пойдешь... Сюда пойдешь...
Лишь сказки знают, что найдешь.)

Дошли до выжженной земли,
Где жить не может даже птица,
Там все от жажды полегли...
Не суждено мечтам свершиться!

Но вот вопрос к Вам, господа,
Кто влез сегодня на престол:
«Как можно привести туда,
Куда и сам-то не пришел?»

* * *

Приросла к ушам корона
У вершителей закона.
Душу надо им спасать
И на Бога уповать.

Галина Лялина
(г. Донской, Тульская область)

Печатается в альманахах «НЛО», «День Тульской поэзии», «Ковчег», «Московский Парнас» и во многих коллективных поэтических сборниках Тульской области. Имеет 7 авторских сборников стихотворений. Лауреат премии им. Ярослава Смелякова. Действительный член академии Российской литературы.

ТЫ, РОССИЯ, ПОХОЖА НА СОЛНЦЕ

Майский ветер, приятный и свежий,
Так волнующе пахнет весной.
Не один километр мной изъезжен
По просторам России родной.

Не один километр был исхожен
По равнинам, пригоркам, холмам...
На весну ты, Россия, похожа.
Я тебя никому не отдам.

Никаким чужакам-инородцам,
Никакому злодею-врагу.
Ты, Россия, похожа на солнце,
А без солнца я жить не смогу.

Майский ветер приятный, певучий
Нежно пахнет фиалкой лесной.
Слух ласкает весны многозвучье
На просторах России родной.

ОПЯТЬ ВЕСНА

Опять весна. И громче сердца стуки.
В бездонном небе больше синевы.
Так хочется погладить свои руки
О нежный бархат зелени травы.

Поймать в ладони теплый лучик солнца,
Прижать к лицу и в сердце пропустить.

Всю свежесть утра с жадностью, до донца,
С великим удовольствием испить.

Пришла весна, и сладкая истома
В душе моей волною разлилась.
И я спешу на улицу из дома,
Чтоб надышаться досыта и власть.

ЧТО ДЛЯ РУССКОГО СЕРДЦА — РОССИЯ?

Что для русского сердца — Россия?
Здесь скажу, теплых чувств не тая —
Это клены, ракиты, осины,
Это милые сердцу края,

Где тропинка бежит междулесьем
И спускается плавно к реке.
Это старая русская песня
О замерзшем в степи ямщике.

Это поле в ромашковых ситцах
В полукружье кудрявых берез,
Это добрые русские лица
И купели в Крещенский мороз.

Что для русского сердца — Россия?
Здесь не сразу подыщешь слова.
Это осень в нарядах красивых
И восторженных глаз синева.

В ГРОЗУ

Над углублением оврага,
В его нацелясь окаем,
Металась молния зигзагом,
Играя весело с огнем.

Все как обычно, по привычке,
Но игры стали забавлять.
Лишь чиркнет раз электроспичкой —
И побежит огонь гулять.

Метнет стрелу на всякий случай,
Другие спрячет на потом
В колчан тяжелой серой тучи
И ждет, когда ударит гром,

Чтоб вновь чертить свои зигзаги,
Зайчат несмелых припугнуть.
Бедняжки спрятались в овраге —
Грозы бояться — просто жуть!

ГРУСТНО, НО С ВОЗРАСТОМ СТАРИТСЯ ПАМЯТЬ

Кружится, кружится снежная замять
В калейдоскопе мелькающих лет.
Грустно... но с возрастом старится память,
Многих событий стирается след.

Все отдаляется лет панорама
И укрывается за пеленой.
Словно заложена в память программа —
Вычеркнуть что-то из жизни земной.

Может пустячный, совсем незначительный
Самый короткий из жизни сюжет.
Память, однако, упорно-мучительно
Ищет в тумане хоть малый просвет.

Хочется вспомнить мгновение каждое,
Вспомнить, увидеть, потрогать рукой.
Вдруг то, забытое — самое важное,
Вдруг это то, в чем душевный покой.

Как за соломку цепляется память
За год, за день или даже за миг.
Но замедляет все снежная замять
И погребает в сугробах своих.

ДЕНЬ ПАМЯТИ И СКОРБИ

Июнь сорок первого года.
От взрывов пылает земля
И в скорби поникла природа:
Леса и луга, и поля.

В ночи затуманено-мглистой,
Лишь чуть посветлел небосвод,
В страну нашу вторглись фашисты,
Грозя уничтожить народ.

Был прерван июньскою ночью
У школьников бал выпускной.
Так было знакомство воочью
С великой и страшной войной.

С разрывов снарядов, с пожаров
Для них начиналась война,
И с авианосных ударов,
Когда взорвалась тишина.

Взрывалась и справа, и слева,
Где падал фашистский снаряд.
И пламенно-праведным гневом
Горели сердца у ребят.

Дома их и школы горели —
В дыму и огне горизонт.
Ребята до срока выросли
И шли за отцами на фронт.

Парнями безусыми были,
В их пору любить и мечтать,
А парни фашистов громили
За милую Родину-Мать!

За землю свою воевали —
Священна для них эта цель.
Экзамен на смелость сдавали,
Надев фронтовую шинель.

Мы знаем об этом из книжек,
И мы забывать не должны,
Как много безусых мальчишек
Осталось в объятьях войны.

Владимир Зайцев

(г. Раменское Московской области)

А СОЛНЦЕ ЗДЕСЬ — ОНО НЕ ПРОСТО СВЕТИТ...

Зайцев Владимир Иванович родился на Орловщине в 1959 году. Стихи начал писать в 19 лет во время службы в рядах Советской Армии. С 1979 по 1985 гг. учился в Тульском Политехническом институте на строительном факультете. Там же работал внештатным корреспондентом в институтской многотиражке «За инженерные кадры». В этой же газете печатались первые стихи и пародии. Непродолжительное время в 1984 году посещал Литературное Объединение при газете «Молодой Коммунар» под руководством тульского поэта С. И. Галкина. После распределения живет и работает в г. Раменское Московской области. Издал две книги стихотворений: «Золотые купола» и «В краю березовой весны». Печатался в альманахах «Московский Парнас» и «Раменские Зори». Член СП России и Академии Российской Литературы.

* * *

Я ехал по проселку не спеша,
А рядышком, в попутном направлении,
Порхала окрыленная душа,
Улавливая ветра дуновенье.

С верхушек елей смахивая снег,
Летела вниз белесою метелью.
Мне слышен был ее веселый смех,
И радовался лес ее веселью.

Искрился бисер наста на свету,
На складках склонов солнышко горело.
Чтоб посмотреть на эту красоту,
Душа на время покидает тело.

* * *

Мне говорят,
Что лучше за границей.
Уют в домах,
Дороги хороши.
А мне опять
Деревня наша снится:
Зеленый пруд,
Осока, камыши.
Как я могу

Уйти от этих сосен,
От изумрудных
Кленов и берез,
От золотых
Налившихся колосьев,
От росных капель
Васильковых слез?
Как я могу
Края покинуть эти,
Где соловей
Волшебнo так поет?
И солнце здесь —
Оно не просто светит,
Оно лучи по каплям раздает.
Где до сих пор
Душа моя ночами
В деревне ищет
Дедовский наш дом.
А млечный путь
Небесными свечами
Подсвечивает тропки
Над прудом.
То сон иль явь?
Но он о лучшем самом.
О чем еще
Приходится мечтать?
И мнится мне,
Что скоро выйдет мама
И скажет: - все,
Пора ложиться спать.

ХРАМ У КЛИМОВОЙ ГОРЫ

Дорогу бросил под колеса.
И вот — покой и тишина!
Песок у Троицкого плеса
Целует нежная волна.
Немного далее палатки,
Уютно в стайки собрались.
О, миг удачи! Мостик шаткий,
Продлись, мгновение, продлись!
И поплавок мой осторожный
Ныряет часто в камыши.
Своею удочкой несложной
Ловлю я рыбку для души.
Дары седого Селигера,
Воды — бесценные дары.
С любовью я молюсь и верой
На храм у Климовой горы.

* * *

Прихожу я спозаранку,
А в лесу уже светло.
Наполняется полянка
Нежным, радостным теплом.
От прямого жмурысь света,
Я стою здесь не один.
Золотое бабье лето
Шелестит среди осин.
И отбрасывая тени,
Машет крыльями ветвей
Необычный день осенний
Тихой радости моей.

* * *

Душа разделилась
На два мотылька.
Колышутся оба
По разным пространствам.
Один там, где поле,
Опушка, река.
Второй в мире рабства,
Расчета и хамства.
Не будем копать
Исторический слой.
Уж лучше дрова,
Что подчас наломали,
Вокруг соберем,
Дорогая, с тобой,
И ветви прихватим,
Что так нас хлестали.
И тихо сождем
У ночного костра.
Мы много пойдем
На лихом пепелище.
Пора о душе
Помолиться, пора,
Чтоб стало окрест
И светлее, и чище!

* * *

Приду на тихий бережок,
Заброшу удочку под иву.
Пусть беспокойный поплавок
Свободно пляшет и красиво.
Какая рыба там клюет?
Да пусть возьмет какая-либо.
Ведь у меня азартный кот,
Он ждет меня с большою рыбой.

И так же ждет меня жена,
Как вспомню, тянет выпить «сотку».
Всегда она раздражена,
Что сильно трачусь я на водку.
Эх, дрожь берет, дрожит спина,
Смотрю на воду и тоскую.
Иль брошу я рыбалку на...
Или найду жену другую!

* * *

Старость — не радость.
Верна поговорка.
Слежу со скамейки
За внуками зорко.
Немного поодаль,
В цветущей сирени,
Смеются и шутят
Веселые тени.
Цветные одежды,
Задорные лица.
В зеленых кустах
Молодежь веселится.
Хорошая зависть
Затронула душу.
Позвал я домой
Свою старую клушу:
Пойдем ка старушка,
Мы вспомним былое,
Пусть будет хоть что-то
У нас молодое.

* * *

Поедает весна темный снег,
Не сошли еще вешние воды,
Но плывет над дорогой рассвет,
Унося, день за днем мои годы.
Предпасхальные вербы в цвету,
За оврагами пасмурно дремлют.
Луговые цветы солнца ждут,
Пробивая холодную землю.
А когда всколыхнет сердце грусть,
На душе станет горько и скверно.
Я за старое снова возьмусь,
И напьюсь, очень крепко, наверно.
Пусть отпустит седая тоска,
Навернутся нежданные слезы.
Вы простите меня, чудака,
Я пойду обниматься к березам!

Любовь Самойленко
(г. Донской Тульской области)

Член Российского межрегионального союза писателей, тульского литературного объединения «ПЕГАС». Автор 12 сборников стихотворений. За вклад в русскую словесность награждена памятной медалью «А. П. Чехов» и медалью «Ф. М. Достоевский. За красоту, гуманизм, справедливость».

СТРОКОЙ ГОВОРЯ...

Давно стал забытым мой старый мольберт,
И краски засохли в коробках,
Но так всполошил утром солнечный свет
Своей откровенностью робкой.

Заря разрасталась, и солнечный круг,
Как верный художник, мазками
Раскрасил небесное поле вокруг
Палитрой, зажженной веками.

Ах, как же прекрасна в России заря
И город, украшенный солнцем!
На чудо люблюсь, строкой говоря...
Восторженно глядя в оконце.

МОЙ ГОРОД

Маленький, неброский,
но до боли дорог
город мой у Дона
Тульской стороны.
Утренней истомой,
колыханьем шторок
ветерок разносит
запахи весны.

Приоткрыв фрамугу,
я вбираю шорох
яблони цветущей
под моим окном.

Росами умытый
 засияет город.
И со мной рассвету
 улыбнется он.

ПОЛЕНОВО

Друзья обещали давно показать
Красивое место — ПОЛЕНОВО.
О тульской земле
 чтобы больше узнать,
Желанье мое было ведомо...
Работал и жил там
Великий Художник.
С утра вдохновляясь красой,
В пейзажах воспел он
 и рощу, и донник,
И клевер, умытый росой.

* * *

Несется автобус. Кудесница Осень
Раскрасила ярко листву.
Березы, и клены, и нежную просинь
В тетрадку стихов я внесу.

Въезжаем в Тарусу. Красавицы сосны
Приветствуют нас свысока.
Резвится, играя, и солнышка блесны
Уносит с теченьем Ока.

Здесь очень красиво!
 Любуемся пляжем,
Зеленою гладью реки,
Спускаемся книзу в лесистые кряжи...
Душа в ожиданье строки.

И парк, и Аббатство,
 и аист на крыше,
И золото вязов, и клен-великан,
И сосен макушки, и голуби в нише
Вписались в лирический жизни роман.

А в доме-музее волшебники кисти,
Полотна рисуя свои,
Все так же любят золотом листьяев
В осеннем дыханье земли...

НА ЧУВСТВЕННОЙ ВОЛНЕ...

А в городе — здороваются клены,
И тополя кивают важно мне.

С березкой стройной столько лет знакомы,
Мы с ней давно на чувственной волне.

Мой тульский край! Милы твои просторы
И синева задумчивых небес.
Люблю вести я с ними разговоры,
Люблю и твой в июльской сказке лес.

Вся жизнь моя в преддверье вдохновенья.
Тебе, мой край, с волненьем говорю:
«За каждое свое стихотворенье,
За каждую строку — благодарю!..»

МУЗЕ

Ты мне дарована судьбою...
Зеленоглазая моя.
Так хорошо бродить с тобою,
Искать стихи, красу хваля.

Нет, я с тобой не одинока,
Тебя я чувствую... Во мне,
Как с первозданного истока,
Родник, звенящий в тишине.

Ты мне дарована судьбою.
О, Муза! Я благодарю!
За вдох, за миг, за взгляд
с любовью.
За то, что я строкой вторю!

Я НА ДНЯХ ЗАГЛЯНУЛА В МУЗЕЙ...

Я на днях заглянула в музей.
Выставлялся наш местный художник.
Но обидно, что мало людей
Посчитали приход свой возможным.

Отражало картин полотно
Удалецкую Русскую волю.
Волновало природы панно,
И манила тропиночка к полю.

Там, на теплой полоске межи,
У изгиба широкой реки,
Обнимались с колосьями ржи
Ясным солнечным днем васильки.
Ввысь взмывали, играя, стрижи.
И мне вспомнились юные годы.
Той далекой поры виражи,
И сегодняшней — зрелые всходы.

А какие мазки и тона
На картине «В березовой роще»!
В них живительной силы волна
Покорялась бушующей мощи.

Рядом церковь. Дороги накат.
У пруда шаловливые ивы.
И малиновым светом закат
Разгорался в сережках игривых.

В ярких красках «Осенний пейзаж».
Накатила истома волнения...
Достаю свой блокнот, карандаш,
Значит, будет стихотворение.

Я на днях заглянула в музей.
Выставлялся наш местный художник.
Так обидно, что мало людей
Посчитали приход свой возможным.

РАЗГОВОР С ОСЕНЬЮ

В мое окошко постучалась Осень...
В накидке яркой, с астрами в руках.
Я улыбнулась очень нежно гостье,
Увидев синь
в прищуренных глазах.

Окно свое в приветствие открыла.
Взяла цветы...накрыла быстро стол.
Зеленый чай для гостьи заварила,
С ней повела душевный разговор.
Не слишком ль рано
в дом ко мне явилась?
Еще ведь песни августа слышны.
В поклоне ива ветру не клонилась,
И ягоды рябин не так красны.

Моя душа еще полна любовью,
И нотный лист зовет к себе с утра.
А ты явилась непонятной новью,
В руках цветы от нашего двора.
Тебе я, Осень, рада и не рада...
Не для тебя писались мной стихи.
Не для тебя звучала серенада,
С зарей лаская ноты у ольхи.

Допили чай! С тобою не прощаюсь!
Коль объявилась, сразу не уйдешь!
Решай свои дела, я не мешаю...
Надеюсь, Осень, ты меня поймешь!